

ТАТЬЯНА МИРОНОВА
доктор филологических наук

РУССКАЯ РОДОВАЯ ПАМЯТЬ

РОД И СЕМЬЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Каждый из нас принадлежит своему роду-племени. Именно так: сначала РОДУ, а потом ПЛЕМЕНИ. И спрашивали обычно по-русски человека, когда дели его впервые, сначала об имени, а потом — какого ты роду-племени? Род наш — яблоня, от которой мы, как яблоки, недалеко падаем, предыстория — залог нашего будущего и будущего наших детей. Не зря же существует понятие **благородный**, то есть произошедший из *благого, доброго* рода, по задаткам открытый добру, за кого предстательствуют благие предки-родичи.

Что есть наш **род** и каковы значения главных родовых понятий — семейных названий, с которым каждый из нас встречается при своем рождении и не расстается целую жизнь?

Слова, обозначающие кровное родство, — это **мать**, что значит — огромная, большая, главная, и **отец**, то есть родитель, от кого ты произошел. Есть еще в русском языке слово **батя**, родственное латинскому *pater*, оно означало — защитник. Детские наши слова **мама** и **папа** — это удвоенные слоги корней, обозначающих мать — МА и бату — ПА. Эти названия свидетельствуют о том, что в сознании ребенка, годовалого младенца, ибо с года у человека развивается членораздельная речь, существует четкое разграничение понятий его близких в семье. При этом мать для ребенка — главное, что есть на земле, а отец — защитник, основа детской безопасности.

Так что безотцовщина вполне осознается младенцем. Безотцовщина — это ребенок без защиты, он с рождения чувствует себя в опасности и на краю жизни, он под влиянием родного языка, смыслы которого заложены в генетической памяти, ощущает свою уязвимость, слабость, одиночество. А вот без матери — еще страшнее для ребёнка, ибо мать для нас — настоящий материк для маленьких островков, хоть и отрывающихся от нее рано или поздно, но непременно понимающих свою привязанность к питающему нашу жизнь корню. Незыблемость первых и главных слов детства, присутствие их с младенчества дает человеку опору на всю дальнейшую жизнь, отсутствие же у ребенка матери или отца делает его уязвимым. Сирота всегда вызывал и вызывает в народе острую жалость. И русский обычай требовал непременно приютить, обиходить, призреть сироту, за что прощались житейские грехи и искупалась любая вина пуще, чем строительством храмов. *Не церковь строй — сироту пристрой*. И как же изошренно лишают отца-матери детей нынешние европейские извращенцы, требуя изъять из детских представлений эти священные для каждого понятия. Дети, возвращенные извращенцами, могут ли во-

обще называться людьми, ведь в их картине мира отсутствуют два важнейших понятия — мать и отец.

Столь же значимы для нас и слова, обозначающие детский возраст человека. Слово **дитя** происходит от глагола **доить**, что значит кормить, дитя — это вскармливаемый материнской грудью младенец. Порой мы так и говорим — грудной младенец. **Чадо** — еще одно слово для обозначения детского возраста. Оно родственно английскому *Child*, немецкому *Kind*. Корень в этом слове индоевропейский и означает **начало**, в данном случае начало человеческой жизни. А вот слово **ребенок** относится к уже подросшим детям, вышедшим из грудного возраста, оно имеет значение — *маленький работник* и соотносится с корнем *роб-*, его мы знаем в словах *раб* и *работа*. Дети у русичей были сызмала работниками в семье.

Теперь взглянем на слова **сын** и **дочь**. Сын происходит от корня *суо-*, что значит рождать, сын — буквально, рожденный матерью, обратите внимание на привязанность матери именно к сыну. Мы знаем это в повседневности: мать больше привязана к сыновьям, она их и защищает, и гордится ими, и привечает больше дочерей. Такой материнский инстинкт основан на древней традиции преемственности рода от отца к сыну. Мать, родившая сына, исполняет свой долг по отношению к роду, в который она вошла для того, чтобы продолжить его во времени и вечности. Она инстинктивно стремится сохранить сына еще и потому, что сын, согласно строгим русским обычаям, обязан кормить своих родителей до их смерти, он же наследник всего, что заработали и нажили мать с отцом.

Иное отношение в русской родовой традиции к дочери. **Дочь** в исконном смысле этого древнего слова, происходящего от глагола **доить**, имеет предназначение вскармливать, питать дитя, то есть дочь — это будущая мать. В языке отразилось семейное правило: дочь непременно уйдет из рода и будем принадлежать чужакам. Причем именно такая судьба дочери в ожидании неизбежной разлуки с родными и по сей день представляется в русской семье счастливой, отношение к *старым девам*, *вековухам* было и остается скрыто неприязненным, как к дочерям, не выполнившим исконного дочернего предназначения, заданного родным языком.

Имена **сын** и **дочь** закладывают в нас представление, что сын в семье важнее дочери, что сын есть тот, ради кого существует семья, кем крепится род, а дочь — это будущая кормилица и мать, но она будет принадлежать чужому роду. Из смыслов древних семейных слов проистекает парадоксальная мудрость старинной русской поговорки: *“Отца кормлю — долг отдаю, сына кормлю — в долг даю, дочь кормлю — в окно бросаю”*. Но что удивительно, при всей утилитарности и практицизме русских представлений о родстве, насколько матери любят и лелеют сыновей, признавая в них исполнение своего долга и предназначение продолжения рода, настолько отцы привязаны к дочерям, хотя девочкам, по определению языка и традиции, надлежит покинуть и семью, и род, и войти чужанкой в род незнаемый. Этот инстинкт тоже имеет оправдание в древнем укладе: сын — свой, никуда не денется, а с дочерью ждет разлука, и потому девушек в семье берегут, по русской традиции, не допуская даже к стряпне.

А теперь взглянем в ставшее сегодня обыденным — бросать семью, уходить к другой жене или к другому мужу, растить чужих детей, бросив родных. Подобное поведение свидетельствует о полном уничтожении в человеке понятия своего рода, в котором он — звено, передающее заветы предков грядущим поколениям. И сын у такого родителя, когда женится, не будет сохранять родовую память, и дочь, когда выйдет замуж, не будет знать, как хранить новый семейный очаг. Брошенные дети, дети из неполных семей редко когда имеют свои собственные счастливые семьи. А разрушение семьи ведет прямым путем к вырождению русского рода, ибо сын из семьи матери-одиночки не имеет примера отца для сбережения своего родового древа, а дочь из такой семьи не имеет примера матери для вставания в чужой род.

Есть ныне и более страшные признаки гибели родовой памяти. Сегодня мы наблюдаем утрату не только отцовских, но и материнских инстинктов. Образ жены-матери усиленно замещается в обществе образом жены-любовницы, а для женщины с подобной психологией дети вообще ни к чему. Уничтожаются коренные родовые понятия и при помощи таких чудовищных явлений, как суррогатное материнство, искусственное оплодотворение. Эти противое-

тественные вещи, становящиеся нормой, выжигают в русских душах человеческие представления о роде и семье, об отце и матери. Ведь теперь человека можно получить искусственно — из пробирки. Никто, правда, еще не изучал судьбы, психику, интеллектуальные и физические способности “пробирочных” человечков. Никто не отслеживал продолжительность их жизни, чем они болеют, рожают ли детей, поскольку первым “искусственным” людям сейчас чуть за тридцать.

Поучительны и древнейшие смыслы слов **брат** и **сестра**.

Брат исконно обозначал члена родового сообщества, то есть брат — не только кровный родственник, “сын моего отца”, но именно член своего рода. **Сестра** — это буквально своя женщина, женщина моего рода. Так что слова **брат** и **сестра** — родовые, а не семейные. А это значит, что мы и поныне испытываем братские и сестринские чувства к людям своего рода-племени, отличая их от чужаков.

Впрочем, обращение к незнакомым русским людям в зависимости от возраста — *мать, отец, браток, сестричка, дочка, сынок, дед, бабушка, тетенька, дяденька* — свидетельствует о сохранении русскими взгляда на свой народ как на родичей, несмотря на усилия современной пропаганды разрушать русские роды и семьи.

Мы не только к своему деду привычно обращаемся — дед! дедушка! Нет, мы так назовем любого русского старика, если хотим проявить к нему сдержанную теплоту и уважение. И интуитивно не ошибемся в таком обращении, потому что **дед** — это не только “отец моего отца”, это понятие шире, дед — значит — старший отец, старый представитель нашего рода племени. **Дед** в исконном представлении славян — прародитель наш, основатель рода, его творец. Слова *Дэв* в санскрите, *теос* в греческом, *Deus* в латинском, *Див* в древнерусском и русский *Дед* — одного индоевропейского корня, обозначающего Творца, Создателя. В английском этот корень тоже сохранился как родственный термин: *Dady* — так англичане в детстве называют отца. Так что русский *Дед* — однокоренной словам санскрита, латинского и греческого языков, именуемым так Бога.

Дед по-русски — тоже творец, создатель, родоначальник, в отличие от западноевропейских языков, которые видели в деде лишь “большого отца” — *grandfather, grossfater*.

Русское **уважение** к деду — это признание потомками его родоначалия, уподобленного Создателю, это почитание значимости и силы деда, таковы смыслы, хранящиеся в корне **вага**, наполняющем собой слова **важный, уважать, отвага**. Слово **дед** родственно и понятие **дядя**, — это наш старший родственник, вот отчего в ходу обращение у детей — **дяденька** к любому человеку из своей родовой.

Но обратим внимание, как из исконных смыслов этих слов проистекает русское требование уважения к старшим, которое диктуется на одной только традицией почитания старости. Уважение старшие члены рода — деды и дяди — по русскому обычаю должны заслужить, чтобы не избивать свои годы жизни по насмешливой поговорке “*Мудрость приходит со старостью, но чаще старость приходит одна*”. И потому, когда нам указывают на беспрекословное почитание стариков в обычаях горцев, как на достойный образец подражания, мы должны осознавать, что у нас существует своя традиция почитания старости — это уважение к достойно прожитой жизни человеком, не посрамившим своего рода-племени, преумножившим славу и достоинства своего рода-племени. И Дед — это тот, кто стал воистину прародителем доброго рода, ведь он соименит Творцу.

В названии **баба-бабушка**, которое также является родовым и семейным, высвечивается иной смысл. Если в западноевропейских языках обходятся простым наименованием — *grandmother, grossmutter*, то есть “большая мама”, то по-русски — мать одного из родителей — **бабушка, башка, баба** — это женщина, которая учит ребенка говорить, ибо происходит это слово от глагола речи — *баять*. Так проявляются в семейных словах родовые задачи женщины — она, жена и мать, то есть рождающая детей, воспитывающая их, и она бабушка, то есть обучающая говорить.

В описанных здесь древнейших русских языковых понятиях, в их иерархии очевидна исходная главенствующая роль мужчины в родовом и семейном строе жизни славян и русичей. У мужчины биологическая роль — он отец, ро-

дитель, но еще более важна его социальная роль — он — батя, т. е. защитник и покровитель, он — дед, что значит глава рода и его прародитель. Так что говорить о каком-то древнейшем матриархате в отношении к индоевропейцам в целом и русским в частности мы, опираясь на данные языка, не можем. Патриархальные отношения прослеживаются во всех русских родовых словах.

Сомнительно также и утверждение многих лингвистов, что родовые и семейные слова всего лишь отражение детского лепета. Дескать, как дитю в голову пришло, так и стали называться мать и отец. Но почему же тогда все дети одного рода-племени лепечут одинаково? Почему они не ошибаются, четко называя маму мамой, а бабушку бабой? На самом деле, МА, ПА, БА, ДЕ — это древние корни, носители определенных смыслов, заложенные в нашей генетической памяти, и лишь удвоение их есть отражение примитивной речи младенца, но все, кто наблюдал, как дети начинают говорить, знает, что ребенок уже с года никогда при обращении не перепутает в речи маму и бабу, папу и деда. Он осознанно пользуется семейными словами.

Существуют в русском языке и семейные слова иного рода, они обозначают не кровное родство, а **свойство** — родство по мужу или жене. Здесь очень важно понимать, что не случайно подобные связи названы по-русски свойством. Родня мужу и жене становятся между собой своими, то есть родными и близкими. Названия **свекр** и **свекровь** толкуются как своя кровь, этим обозначено принятие жены в семью мужа через кровь — рождение детей. **Тесть, теща** — буквально значат “те же есть”, что и свекр со свекровью. Причем именно **тесть** и **теща** позднее пришли в язык, чем **свекр** и **свекровь**, так как в русской традиции было свойственно принимать чужанку в семью мужа, а не наоборот.

Особый таинственный смысл имеет слово **невеста**. В нем прозрачно читается — **неведомая**, что значит — женщина, принятая из другого рода. Известная всем **сноха**, жена сына, в древности звучала как сын-оха, и так выглядит любое женское прозвище от имени или профессии мужа — Лукьяниха, Петруниха, дьячиха. Название **зять**, муж дочери или сестры, происходит от индоевропейского корня *gelos* — род, и действительно, зять — это человек, принятый в род. А в свою очередь, **шурин**, брат жены, ведет свое начало от корня *свой*, и является полной копией современного названия **свояк**. Не забытое еще в народе слово **золовка**, сестра мужа, ведет происхождение от корня *голова* и обозначает старшую, главную над невесткой в семье мужа.

Очень жаль, что слова, обозначающие свойство, исчезают ныне из русского языка. Эти понятия перестали иметь для русских значение, а значит, утратились или ослабли те родовые обязанности, которые исполняли в роду **золовки** и **шурини**. И потому уже озадачивают загадки типа “**Шуринов племянник как зятю родня?**”. Но сохраняются еще куда-то зятья и свекры, тести и тещи, сами понятия о родственниках-свойственниках, что показывают нам природную близость людей, связанных семейными узами, их непереносимое тяготение друг к другу и сохранение за ними долга несения родственных обязанностей.

Наша русская двух-трехпоколенная семья и многопоколенный род в весьма поврежденном виде, но все же сохраняются народной традицией и являются единственно возможными формами русской жизни. Если они исчезнут или утратят свой исконный облик, то придет конец и всему народу. Вот для чего мы напоминаем о заложенном в нашей генетической памяти понимании смыслов родовых и семейных слов.

Трехпоколенная семья — это именно русская семья. В Европе и Америке бытует ныне двухпоколенная семья — родители и дети. И лишь только дети западноевропейцев оканчивают школу, им указывают на порог, они уходят из отчего дома самостоятельно строить свою жизнь. Сегодня западноевропейская и американская семьи становятся и вовсе однопокольными, ибо западный человек часто отказывается иметь детей. У нас же, даже при отдельном проживании, бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки, тети и дяди образуют прочный семейный союз с детьми и внуками, который держится на взаимопомощи и поддержке друг друга. Мы еще не забыли, в отличие от западноевропейцев и американцев, что такое **род** и **семья**.

Род — происходит от древнего индоевропейского корня *ord*, означающего рождение и рост. Многопоколенное древо, корнями уходящее в землю, ибо там лежат поколения предков, дедов и отцов, и с проекцией будущих побе-

гов, еще не рожденных, но непременно должны увидеть свет. Таким представлялся русскому человеку **род**, состоявший из родовой, родни, родственников. Этот же корень дал нашему языку слово **ряд**, внесшее в русскую жизнь понятие порядка. Род — это не дикорастущий бурьян на пустыре государства, а упорядоченное родословное древо, растущее и множасьее согласно народным обычаям и многовековым законам. В строгой упорядоченности строится и **семья**, собирательное слово от корня *семь/земь*, обозначавшего в древности территорию, принадлежащую тому или иному роду. Изначально семья обозначала территорию родовой общины. Корень *семь/земь*, с близкими ему понятиями *земля, земной, наземь*, свидетельствует о том, что каждый род на Руси жил на своей земле и без нее не мыслил своего существования. А когда сегодня целенаправленно разрушают семью, то получается, что у человека вынимают из-под ног его землю. Он не чувствует под собой почвы, опоры, ибо семья — это его родовая “земля”, его пристанище.

Без понятия о роде невозможно и существование важнейшего для нас слова **народ**. Народ состоит из родичей, людей одной крови, одного корня, **народ** — это родовые ветви, взращенные из одного семени и исходящие из общего корня. **Народ** — это ныне живущие члены рода, те, кто родились, пребывают в верхней части родового древа, на его вершине. Они затем родят следующее поколение, состарившись, уйдут в небытие, и станут Родом для новых поколений своего народа. Сегодня очень важно, жизненно необходимо уметь проникнуть в смыслы этих слов для того, чтобы не забывать, кто мы такие, откуда вышли и куда уйдем, чтобы не отстать от своего рода-племени, превратившись в ничтожное перекати-поле, слабое скитальческое деревце без корней, без семьи, без отца-матери, без надежной опоры в жизни — родного народа и тысячелетнего русского Рода.

МУЖ И ЖЕНА — ТЕ ЖЕ МУЖИК ДА БАБА

Особые семейные имена — **муж** и **жена**. То, что они исстари называли не только семейную пару, но и любого мужчину и любую женщину, свидетельствует об исконной необходимости семейного статуса для каждого человека. Слово **муж** родственно понятию **ум**, оно происходит от индоевропейского корня со значением *думать, мыслить*. Иной смысл у слова **жена**, образованного от индоевропейского корня, означающего *рождать*. Язык наш изначально устанавливает четкое разграничение мужских и женских ролей, иерархию семейных отношений. В этой иерархии женщине отводится биологическая роль — рождающей потомство, а мужчине — социальная роль — думающего, то есть заботящегося о своих семье, роде, стране. В этой иерархии мужчина и женщина имеют особые общественные обязательства и несут особые семейные обязанности. И когда в нынешнем и прошлом веках насильно вводилось равноправие полов, то это взламывало архетипы нашего сознания, ибо генетическая языковая память диктует мужчинам и женщинам выполнять различные, заложенные Богом и природой задачи. Об этом гласят и суровые народные приговоры: *“Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком”, “Курица — не птица, баба — не человек”*.

Упомянем, что слово **человек** имеет родовой смысл — это ныне живущий представитель рода, где *чел* (древнее *кел*) есть род, буквально клан, а *век* (древнее *войк*) — жизненная сила, ее энергичное проявление. Причем слово **человек** изначально прилагалось только к мужчине, и это не случайно.

Задачи мужа и жены столь различны, что архетипы нашего сознания разводят мужчину и женщину на разные полюсы мира. Мужа мы мыслим, под диктовку архетипов нашего языка, стоящим по правую сторону от Творца, мужчина соотносится с понятиями дня, солнечного света и жизни. Жена в этой иерархии расположена по левую сторону от Создателя, она связана с понятиями ночи, лунного света и смерти. Эта исконная иерархия настолько прочно сидит внутри каждого из нас, что до сих пор порождает такие традиции и ритуалы, как расположение женщины слева от мужчины при выходе в свет и при рассадке за стол, как устройство застеек при пошиве одежды на правую сторону для мужчин и на левую для женщин. Приметы гласят: *люб свербит с правой стороны, правая бровь чешется — челом бить мужчине, ежели с левой стороны лба почесуха — предстоит кланяться женщине*. Но по иным

архаичным поверьям, правое место в иерархии мира занимают ангелы, а левое – бесы. А русские поговорки подмечают природенную склонность женщины слушать бесовские наущения: *где черт не сладит, туда бабу пошлет*. Хотя зачастую говорят и так: *муж да жена – одна сатана*.

Впрочем, русский язык хранит и русский семейный идеал, когда *муж – голова, а жена – душа*. Язык наш закладывает в нас глубинные социальные задачи, которые мы стараемся выполнить в силу воздействия древних архетипов мышления. В русском языке семейные слова не только **муж и жена**, но и **мужик**, и **баба**. Почему именно они избраны как основные, повседневные знаки мужа и жены? В слове **мужик**, производном от слова **муж**, не только живо значение мыслительности, ума, в него еще привнесена идея ответственности за семью, слово это хранит в себе мысль о самостоятельности, мужественности и силе, недаром говорят слабаку – *ты не мужик*, подбадривают малодушного – *будь мужиком!*, и в похвалу мужчине обычно звучит – *настоящий мужик!* По-русски мужиком становится парень, когда женится. Поэтому без жены мужчина не мужик. Если к мужчине не приложимо слово **мужик**, это означает, что он не состоялся как член общества, он не может отвечать за своих близких, он слаб и беспомощен, ничтожен.

А у слова **баба** изначально значение *болтушка, балаболка, говорунья*, ведь корень *ба* – исконно означал *баять, балаболить, болтать*. Наша русская **баба** по сути своей – беспрестанно говорящая женщина. Давно подмечено, что женщины думают, когда говорят, в отличие от мужчин, которые сначала подумают, а потом скажут. Именно так заложено Богом и природой мыслить и говорить женщине, беспрестанно воспроизводящей речь, буквально не замолкающей – *ба-ба-ба*, потому что женская социальная задача есть обучение потомства родному языку, а для этого необходимо *баять* и *балаболить* без конца. *“Баба, что горшок: что ни влей – все кипит”*. *“Бабу не переговоришь”*. Женщине природой заложено именно много говорить, а не много думать. Думать за нее положено мужику. *“Баба, что мешок: что положишь, то и несет”*. У женщины в отличие от мужчины склад ума, который идеально выражен в формуле: *“Откуда я знаю, что я подумую, пока не услышу, что я скажу”*. Пословицы и поговорки описывают женский ум так: *“Пока баба с печи летит, семь дум передумает”*, *“У бабы волос долог, а ум короток”*, *“Бабы умы разоряют дома”*. Жене-бабе не нужно много ума, ее врожденные талант и Божье дарование – речистость. Неразговорчивая женщина – такая же ошибка природы, как болтливый мужчина.

Человеческая речь, язык жены и матери – это национальная картина мира, которую необходимо внушить, буквально заложить в уши потомству, картина мира, которую должен усвоить каждый ребенок в семье на протяжении первых шести лет жизни. Современные исследования показали, что в первые полтора года младенец запоминает до пятидесяти слов, причем уже к шести месяцам звуки, которые издает новорожденный, напоминают звуки его родного языка. К двум годам младенец знает около трехсот слов, в три года ребенок осваивает под тысячу слов, а к шести годам понимает примерно десять тысяч слов! – а значит, в совершенстве овладевает родным языком. Скорость обучения языку в детском возрасте составляет двадцать слов в день.

С колоссальной социальной задачей – научить своих детей родному языку – может справиться только **баба** – беспрестанно говорящая женщина. Она предназначена передавать молодому поколению наследие предков – родной язык и национальную картину мира. Не случайно слово **баба** является еще и термином родства. **Баба, бабушка, бабушка** – это мать одного из родителей, все свое время уделяющая внукам. Именно она рассказывает сказки, баюкает – поет колыбельные и потешки, не замолкает над младенцем ни на минуту, благодаря дару речевого общения, присущему всему женскому роду.

Женская русская речь весьма отличается от мужской. Женщина предпочитает описывать то, что видит, и то, что с ней произошло. Мужчины об этом иронически говорят: *“Приехала баба из города, привезла вестей с три короба”*. Женщина – бытописатель, а следовательно, она непрестанно ищет и находит новые формы выражения, творит новые слова, чтобы точнее и ярче отразить то, что видит. Все слова с уменьшительными суффиксами в русском языке придуманы женщинами. Потому что именно женщины, бабы говорят с детьми, сюсюкая и умиляясь. Сегодня во многих таких словах мы уже не видим уменьшения и умиления – миска, чашка, тазик, ложка, вилка. Но еще

в “Домострое”, своде хозяйственных правил XVI века, эти слова выглядели так: *миса, чаша, вила, ложица, таз*. Именно женщины в своем словоупотреблении привели эти слова в уменьшительно-ласкательную форму, а потом многие из подобных слов утратили первоначальный облик. Эта уменьшительность оттого, что женщины очень много общаются с детьми, с которыми разговаривают ласково. Общаясь, они обучают детей речи. Обучение речи, а не мысли, как раз и подразумевает описание всего, что попадает на глаза, и всего, что происходит и происходило в нашей жизни.

И в произношении женщина отличается от мужчины – тембром голоса, темпом речи, характером пауз, длительностью гласных. В разговоре мужчины сохраняют молчание 3,21 секунды, а женщины молчат лишь 1,35 секунды. И эта скорострельность речи получила в мужском сообществе точную оценку *“Лукавой бабы в ступе не утолчешь”*.

Женщины предпочитают вопросно-ответную форму общения, то есть диалог, и потому норовят на каждую реплику мужа непременно дать ответ-отпор. Мужчины выбирают монолог, где они могут четко изложить мысль.

Женщинам сподручнее размышлять вслух, и когда их собирается несколько, то звучит целых хор наперебой размышляющих баб. Отсюда формула коллективного женского мышления: *“Три бабы – базар, а семь – ярмарка”*. Мужчины думают не вслух, а про себя, потому они больше молчат, предпочитая пропускать мимо ушей и слова жены: *“Баба бредит, да кто ей верит”*. И говорят мужчины по очереди, выслушивая друг друга.

Мужчине важен смысл сказанного, а женщина наслаждается формой речи. Девочки раньше овладевают языком, осваивая звук за звуком, и начинают они говорить правильнее и чище мальчиков, сказываются природные женские задатки. Мальчики же долго помалкивают, а, заговорив, пренебрегают произношением. Зато с раннего детства любят делать умозаключения.

Женщины избегают грубых слов, не любят матерщины. Мужская же речь груба, для проявления власти и силы, для подавления собеседника в ней часто используется криминальный жаргон, так как он обладает особой энергией, позволяющей маскировать внутреннюю слабость человека. Именно от мужчин приходят в обиходную речь криминальные, энергичные слова: *накололи, кинули, наехали, мочить...* Женщинам не нужно демонстрировать силу, и они чаще всего игнорируют подобное словоупотребление. Мужчина же и по отношению к женщине должен постоянно выказывать свое превосходство: *“Баба с возу, кобыле легче”, “Бабе волю дать, не унять”, “Знай баба свое кривое веретено”*.

Мужчина и женщина не только по-разному говорят и мыслят, они природой и обычаем предназначены для разных дел. На Руси существовало четкое разделение мужского и женского труда. Обычай провел между ними черту, которую не переступают ни мужчины, ни женщины. Мужчина обязан пахать, косить, возить, подавать снопы, веять, сеять, рубить дрова и молотить. Женщина копает и полет огород, жнет хлеб и лен, обихаживает скотину. Сено гребут и сушат вместе, но эта работа считается в праздник. Замечательно, как русская традиция предписывает мужчинам и женщинам выполнять главные работы земледельца – пахоту, сев и жатву. Пахота и сев – это исключительно мужская забота. Будучи сеятелем, мужчина в русской традиции предстает главным кормильцем семьи, добывающим ей пропитание. Обычай предписывал, что сеятель должен выходить в поле чистым, в чистой рубашке и босиком. Тогда урожай ожидался хорошим. Женщинам было запрещено участвовать в севе. Зато именно женщины, согласно обычаю, были жницами. Жатва словно зеркальное отражение сева. Теперь уже женщина в преддверии жатвы мылась, надевала чистые одежды, убиралась в доме, застилала чистой скатертью стол, чтобы встретить дорогого гостя – Дар Божий – новый хлеб.

Разумеется, это по обычаю установленное распределение мужских и женских работ могло быть нарушено особыми обстоятельствами жизни. Во время войны женщине приходилось выполнять и многие мужские обязанности. Вынуждена была пахать, засеивать, ехать в лес за дровами. При этом на ней продолжали лежать все женские домашние дела, об этом сложена горькая частушка военных лет: *“Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик”*.

Замечательно, что даже пространство в хозяйстве делилось на мужское и женское. Баба была хозяйкой в доме, а мужик – за его стенами, во дворе, на улице, в лесу, в поле: *“Мужик с собакой во дворе горюет, а баба с котом в доме панует”, “Мужик в лесу не вор, дома не хозяин”*.

Нынешняя беспомощность и безрукость мужика связана, вероятно, и с нарушенной в русском народе традицией разделения хозяйственных работ. У бабы, что в городе, что в деревне, по-прежнему остаются ее бабьи дела, которых невпроворот. А мужик уже и не сеятель, и не пахарь, и во дворе, на улице не хозяин, ибо давно его пространство огорожено стенами квартиры или крохотных огородных соток.

Наши древние установления, продиктованные языком, рисуют нам традиционную русскую картину мира. Муж, мужчина, мужик отвечает за страну, общину, семью. Он обязан о них думать, заботиться, их возглавлять. Жена, женщина, баба призвана рожать детей и обучать их (ук- и ухо – однокоренные слова), обучать прежде всего родной речи, национальному самосознанию.

Из этого проистекает ряд правил, обычаев и законов русской жизни, согласно которым править в государстве и семье должен мужчина. Женщина во власти – недоразумение и беда. Жены должны быть у мужей в подчинении и под опекой, ибо, по народному убеждению, они не имеют своего разума. Мальчикам, после того как они научились говорить, требуется мужское воспитание, к семи годам, так было раньше, они поступали под мужскую руку. Отцы и деды обучали сыновей и внуков не столько говорить, сколько думать. Дочери в мужской расчет не шли. В русской крестьянской семье они находились исключительно под приглядом матери, сами готовили себе приданое, помогали воспитывать младших детей в семье и здесь обучались навыкам будущего материнства.

Начертанная издревле картина правильной семьи прочно сохраняется в наших головах, ведь ее рисует нам наш язык. Но юридические законы современного государства разрушают цельность воззрений.

Равенство мужчин и женщин разрушает семью, ибо жена вступает в управление и семьей, а муж устраняется от этого.

Необходимость женщинам зарабатывать на жизнь, быть пахарем и сеятелем, кормильцем семьи, разрушает ее представления о своих женских обязанностях – рожать, обучать языку. Материнство и воспитание перестают быть свойством истинной жены. А русские мужики, лишенные настоящей творческой работы, кормящей семью, теряют свое мужское начало, позволявшее им чувствовать себя кормильцами семьи и хозяевами страны.

РУССКИЙ ДОМ И РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Русское мирозерцание сформировано укладом нашей жизни, испытанным тысячелетиями. Современные удобства и технологические достижения сделали народы в бытовом отношении вроде бы одинаковыми, но не надо забывать, что научно-техническая революция, совершившаяся в два минувших века, незначительно повлияла на наши обычаи и склад характера. Мы в своих генах и мировоззрении по-прежнему несем память о жизни своих предков на протяжении многих десятилетий веков. Эта память определяет и наш характер, и наши привычки, и нашу способность к созидательному труду.

Русский домашний обиход весьма отличается от укладов других народов, даже соседствующих с нами, и эти отличия влияют на разницу в национальном строе жизни.

Взять, к примеру, дом, жилище русского человека. Исконно это землянка или полуземлянка с очагом, то есть дом, вросший в землю, или, как он истари назывался – хата. Хаты распространены были в южной Руси. Но помимо хат русские строили избы. Чем отличалась хата от избы? Хата поставлена прямо на земле, без фундамента и даже врыта в землю. Слово это происходит из индоевропейского корня *kouta/kata*, давшего в разных языках сходные названия, а в русском языке породившего еще одно слово, связанное с домом, – **кут** – угол в доме. Изба – известная больше в северной и средней Руси – сооружение ярусное, она возводится на фундаменте или подклете, в избе есть горница, размещающаяся наверху, как на горе. Вот почему на курьих ножках в сказке могла быть только избушка, но никак не хатка. И хата, и изба в старину топились по-черному, выпуская дым через волоковое окошко в крыше. Такая изба называлась черной или курной.

Само слово **изба**, или древнерусское **истьба**, означало “отапливаемое помещение”, то есть истопка, являющаяся однокоренным избе. О том же сви-

детельствует немецкое слово *stube*, означающее баню. Соединение северной избы и южной хаты явилось в средней России в виде избышек с завалинками. Вот так память о древних тысячелетней давности землянках живет в нас и по сей день, ведь завалинки – земляная насыпь, покрывавшая нижние венцы для тепла, до сих пор бытуют в России.

Но ведь землянка – это и жилище русского человека в крайностях жизни, в войну наши солдаты, партизаны, беженцы жили именно в землянках и легко вживались в неудобства земляночного быта, потому что подобное жильё существовало в родовой памяти предков.

Вспомним еще об одной особенности русского домостроения. У русских домов изначально прямоугольная форма, и все убранство избы было угловатым, имело жесткую геометрию. Печь, лавки, стол, полати, сундуки, – все вписывалось в четыре угла избы, а каждый угол имел свое предназначение. Красный угол – в нем помещалась божница, бабий угол – здесь возле печи, тоже имевшей прямоугольную форму, хлопотала хозяйка, кутник – придверный угол, где хранилась хозяйственная утварь и упряжь, тут хозяин занимался работами по дому, спальный кут – здесь за занавеской спали хозяева. В то же время жилое пространство избы делилось на две половины. В левой стороне, где был бабий кут, располагалась женская территория, размещалась печь, возле нее царствовала хозяйка-большуха. Правая часть избы с красным углом представляла собой мужскую территорию, здесь место хозяина, владыки дома. Мужская часть дома была парадной, праздничной, в ней принимали гостей, справляли семейные торжества, здесь же христианская семья молилась перед иконами. А женская половина избы была прибежищем другого мира, путь в которой открывала и преграждала печь.

Русская печь – почти языческий мир, вмещающий в себя “утробную” жизнь хозяев. В печи готовили пищу, на ней спали старики и дети, в ней мылись и даже парились. На печи лечились от ломоты и простуд. Печка-матушка представляла собой древнее языческое святилище очага, символ перехода в тайный сказочный мир. Через печную трубу, согласно поверьям, в дом проникали змей и черт, в нее вылетала наружу ведьма. Печным дымоходом уходила в небытие душа умершего, улетучивались через трубу доля и недоля хозяев, даже болезни изгонялись этим путем. Русская печь, массивная, крутобокая, с трудом натапливаемая, но долго хранящая и отдающая тепло, создавала чисто русский **уют** (таково особенное русское понятие, непереводаемое на другие языки мира), именно печь царила у русских, а не очаг в виде камелька, кострища, что на скорую руку раскладывали посреди жилого пространства в своих жилищах другие народы. И печь, вставляя своим квадратным основанием в землю, тоже укореняла русича на своей земле, крепя его как якорем к родному пепелищу. Само же понятие **пепелище** тоже не случайно бытовало в русском обиходе, ибо домашний огонь в русской печи постоянно поддерживали и сохраняли в виде горячих углей на “загнетке”, куда бережно собирали, прикрывали – загнетали головешки, не давая им остыть. Передавать домашний огонь в другие дома русские опасались, словно боялись расстаться со своим семейным оберегом. По древнему языческому поверью считалось, что вместе с огнем может уйти из дома достаток и благополучие. Сегодня это древнее воззрение сохраняется в забавном запрете делиться с соседями спичками.

Обратим внимание теперь на прямоугольные окна русского жилья, в которые глядят на Божий мир его обитатели. И что занимательно: в России окна обычно глядели на улицу, и глазастые – многооконные фасады домов не были упрятаны во дворах, а с любопытством взирали на все, что происходило на белом свете. Лишь сибирский разбойно-каторжанский край заставил русских заслонить свое жильё высокими заплотами, глухими заборами, оконными ставнями. Но открытость человеческого жилья всему белому свету и здесь сохранялась во множестве окон, возле которых уютно сживалось в непогоду и холода. Такая русская особенность домостроительства не случайна. Именно окно связывало русских с Богом и с миром предков. Без окон русские не мыслили жилья, недаром в сказках избышка на курьих ножках у Бабы-Яги “без окон, без дверей”, по нашему взгляду на мир, она неприемлема для жизни живого человека, а является обиталищем потусторонних сил. Это подтверждает и старое поверье, что увидеть во сне дом без окон предвещает смерть.

Без окон русские не только не мыслили себе жизни в родном доме, но вокруг окон вершились многие семейные обряды. Окно использовали для выноса покойника, в окно передавали ребенка с заклинанием, если младенцы в семье часто умирали, на окно клали блины и кутью, чтобы попотчевать души умерших предков в поминальные праздники. Известная примета, что птица, влетевшая в окно, означает близкую смерть кого-то из обитателей дома, основывается на представлении об окне как границе Божьего мира. Потому у русских через окно не разрешалось плевать, выливать помой, выбрасывать мусор, ибо за ним стоит Ангел Господень, и в этом смысле любой нищий, собирающий милостыню, воспринимался русскими как посланец Бога, которому нужно подать через окно кусок хлеба.

Сравним русский обиход с укладом кочевника, а таковыми являются и горские народы, в зависимости от времени года переправлявшиеся с верхних пастбищ на нижние, и степные племена, передвиравшиеся с места на место в поисках кормов для скота. Их жилища издревле совершенно иные. Юрта, чум, шатер, яранга имеют круглую форму, в них нет окон, а внутреннее убранство – ковры, кошмы, подушки – все мягкое и округлое. Схожи в мягкости убранства и каменные, а также плетеные сакли, кошары горцев. Они также не любят света, ограничиваясь одним-двумя крохотными оконцами. Эти жилища не врыты навеки в землю, не заякорены печью, вросшей в квадрат сруба, как у русских, они – временное пристанище для своих обитателей, готовых в любой момент сняться с места и отправиться куда глаза глядят. Эти в корне отличающиеся друг от друга жилища русских земледельцев и их соседей – кочевников связаны с образом жизни столь непохожих друг на друга народов.

Русские искони живут большой трехпоколенной семьей, отделение сыновей определяется материальными возможностями семьи построить еще один капитальный дом. А кочевники не привыкли жить большими семьями. Сын кочевника женится и сразу же ставит рядом с отцовской свою юрту. И точно так же различаются русская дружная общинность и индивидуализм кочевников.

Угловатость и жесткость домашней обстановки определяет русский природный аскетизм жизни, на лавке и на полатах не залежишься – бока заболит. Поэтому работа по дому, ремесло, рукоделие непременно сопутствуют нашему быту. Кочевника – степняка и горца, напротив, окружает мягкость домашней обстановки, что во многом объясняет их изнеженность, леность, склонность ко сну и медитации. Разные национальные типы домашнего поведения существуют и по сей день и отличают народы друг от друга. Русская выносливость, неутомимая работоспособность, терпеливость в домашнем быту получали первую закалку. Да, сегодня мы окружили себя мягкими восточными диванами, лентяйскими азиатскими креслами, и тоном в них после работы, забывая о русской традиции непрерывного труда. Мы вперили наши очи не в рукоделие или ремесло, а в мерцающий экран телевизора, держа голову и руки в непривычной для русского народа праздности. И потому мы перестаем быть самими собой, в отличие от кочевников, у которых праздность домашнего быта – тысячелетняя традиция.

Архитектура дома тоже сказывается на характерах русского и кочевника. Окна избы, выходящие на улицу, – буквально глаза дома, ибо **окно** происходит от слова **око**, – это наша русская открытость миру и людям. И свои знания о мире мы получаем прежде всего зрительно, потому глаголы **видеть** и **ведать** происходят из одного корня. Кочевые же народы познают мир прежде всего слухом, они замкнуты на себе, зарыты для мира, о чем свидетельствуют их наглухо закрытые от внешнего окружения жилища, а скрытность, замкнутость характера – особенность их поведения. Сегодня наша русская открытость миру работает против нас, ибо в круговерти наезжих народов русские чувствуют себя словно распахнутыми настезь. Продуваемые залетными ветрами и вихрями, русские чувствуют себя незащищенными перед лицом умеющего скрывать свои замыслы соперника.

Конечно же, кочевник с его неизменной в веках способностью к скитаниям и переходам будет отличаться от русского, привязанного пуповиной к родной земле и к вросшему в эту землю дому. Наши приметы и суеверия прочно крепят русича к родной земле. Даже уходим мы из дома по особым правилам, с тем чтобы в него непременно вернуться. В день отъезда кого-то из родных в избе не моют полов, не метут во дворе, чтобы не замести родной

след, по которому человек должен возвратиться домой. Наш русский характер не позволяет нам безоглядно покинуть родную землю, ища место, где сытнее и жить удобней, зато пришлые скитальцы и бродяги уже видят нашу территорию местом своего кочевья.

Домашний уклад, строение жилища, образ и устройство очага-печи, даже окна в доме влияют на национальный характер, формируя общие черты, свойственные представителям одного народа. И этот уклад надо сохранять, ведь он бережет нас как нацию. Старинные прялки, вышитые полотенца-обереги, самовары и колокольцы, деревянные избы и бани, тканые половики и оконная резьба должны напоминать нам, кто мы есть, они значимы для нашей души, они сохраняют в ней русское тепло в обезличенности городов и универсальности современной бытовой техники. Сохранение бытового уклада и национальной архитектуры позволяет удержать, не истощить русское национальное самосознание.

Вот почему вопреки всяким европейским и азиатским понятиям об удобствах и правилах современного отдыха мы так любим посидеть на завалинке деревенского дома и норовим хоть раз в году очутиться не в каменном мешке городской квартиры или фешенебельной гостиницы, а в деревенском бревенчатом срубе, подышать сосновым духом избы, погреться у печи, закидывая в ее раскаленное нутро звенящие от мороза поленья. Мы сокровенным наитием тянемся из городов в деревни, мечтая получить хоть клочок, но своей земли, где можно вкопать в землю хоть малую, но милую нам свою избушку или хатку. Голос предков в русской душе неизменно напоминает нам о такой необходимости, о необходимости вить родовое гнездо, которое невозможно устроить ни в квартире, ни в коттедже, ни во дворце, а только в избе.

Взгляните еще на один парадокс нашего времени. Крестьянская закваска заставляет инженеров и ученых, строителей и артистов, предпринимателей и писателей “ковыряться” в земле и обихаживать ее, не считаясь ни с потерей времени, ни со здоровьем. И наши массовые паломничества с весны на так называемые дачи, и упорная копка огородов, и счастливые сборы нехитрого урожая, — все это память о русских предках землепашцах, память, всполохами просыпающаяся в каждой русской душе.

В нас еще прочно живут приметы и поверья о запрете подметать пол в день отъезда родича, о птице, влетевшей в окно и предвещающей смерть, о запрещении разговаривать с ближними через порог, о непреклонном отказе поделиться спичками с недобрыми соседями. Кажущиеся сегодня суевериями, эти установки сохраняют связь современников с тысячелетними русскими обычаями и формируют в нас, русских, общий взгляд на мир. Современный уклад пытается изъять древности из русской картины мира, убеждая каждое новое поколение молодежи, что это всего лишь стариковские бредни, но проходит время, и взрослеющие поколения вновь возвращаются к древним поверьям, обычаям, приметам, грезят веками принятым обиходом жизни. Мы, рано или поздно, но возвращаемся к своей родовой памяти, словно по не заметенному родичами следу спешим домой, на нашу русскую Родину.

РУССКАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ПЛАТЕЖОМ КРАСНА

Есть на Руси старинная поговорка “Хлеб-соль помнится”. Она о том, что за всякое добро полагается отплатить добром. “Хлеб да соль”, — исстари говорилось при входе в русский дом. Символ “хлеб-соль” хранит память об исконных представлениях русского народа о достатке и благополучии.

Хлеб для русских не просто выпечка из пшеничной или ржаной муки, как сегодня принято считать, полагая хлеб одним из рядовых и “не самых полезных” продуктов питания. Нет, хлеб — это священный вид пищи, знак достатка и изобилия. Другие именованья нашей пищи — *хлебово, похлебка*, да и глагол — свидетельствуют о том, что именно хлебом был жив человек на Руси и хлебная пища составляла главное его кушанье. Русское присловье молвит: “*Покуда есть хлеб да вода, все не беда*”, “*Калач приестся, а хлеб — никогда*”. Почиталось законом жизни русского народа, если есть хлеб — будет жив человек, нету хлеба — не будет и жизни.

Обратите внимание на нашу народную традицию — все есть с хлебом. Мамы с бабушками нас с детства приучают: “Бери хлеб!”, “Ешь с хлебом!”. Ви-

димо, с древних пор мы ели главную русскую пищу – хлеб, а всем остальным, что Бог посылал труженику-земледельцу, хлеб закусывали.

Русские видели в хлебе дар Божий, но давался он лишь усердным трудом на земле. Земле-кормилице приходилось кланяться до седьмого пота. Хлеб, в котором соединяются помыслы и усилия человека в течение всего года, был не просто пищей каждого дня, он, уродившись или не удавшись, виделся земледельцу долей, выпавшей ему от Бога за труды и прегрешения. А доля, она же – участь, счастье или злосчастье – дана по заслугам от Бога и землематушки, и потому ее не отменить, и потому заработанный своим трудом кусок хлеба требовал от человека почти религиозного почитания. Господь же, по русскому разумению, никогда не оставит земледельца голодным: *“Дал Бог роток – даст и кусок”, “На Руси никто с голоду не умирал”*.

Вот как описывают этнографы русский ритуал выпечки первого хлеба: *“Хлеб сажали в печь в молчании, выпекать старались без посторонних глаз – от порчи. Считалось, что каждый должен съесть хоть немного от первого хлеба, чтобы весь год сытно жить. Когда хлеб поспевал, вся семья садилась за стол. Каравай разрезала бабушка. Начинала резать с нижней корки. Горбушки ели взрослые парни, девушки их не брали, а то муж будет с горбом. Дети дожидались, когда бабушка отрежет второй ломоть. Он назывался растительным и доставался ребятишкам. Они ели его, чтобы скорее вырасти. Третий ломоть назывался потягунчик, четвертый – ленивый. Они доставались тем членам семьи, что не в полную силу участвовали в семейном пахотном тягле. Когда каравай съедался, подбирали даже крошки, их не разрешалось оставлять или ронять”*.

Хлеб, как Божий Дар, в старину почитался оберегом, его клали в колыбель младенцу, брали с собой в дальний путь, чтобы охранял от напастей, обходили с хлебом загоревшийся дом, желая остановить распространение пожара. Защитительная сила хлеба делала его непременно даром в народных обрядах. Хлеб брали с собой свататься, хлебом встречали молодых из церкви, хлеб везли с приданым невесты, оставляли как жертву на могилах и на сжатом поле.

Хлебная основа – пшеничная, ржаная, овсяная, просяная – у всех главных русских народных блюд. Каша – матушка наша, ритуально подносились при окончании жатвы, на крестинах и свадьбах, поминальную кашу до сих пор знают в каждом русском доме, она называется *кутья*. Но она же, бессмертная русская каша, была ежедневным любимым кушаньем русских. *“Щи да каша – кормилицы наши”*. Квас тоже имел хлебную основу и такое же значение оберега, как и сам хлеб. Квас был обрядовым питьем на родинах, свадьбах и поминках. И он же в ежедневном употреблении за скромным русским столом, где так часто перебиваются с хлеба на квас да неунывающе утешают себя: *“Хлеб да квас – так и все у нас”*. Ритуальный древний смысл имел и другой хлебный напиток – кисель. Традиционный русский кисель – это запаренная кипятком мука, подслащенная и оставленная сбразиваться в тепле. Самыми вкусными признавались овсяные кисели, и их значение в русских обрядах тоже поминальное и жертвенное. Но они же были обиходной русской едой: *“Киселем брюха не испортишь”*.

Русская пища была не тяжелой для желудка, она по преимуществу растительная, жидкая, кислая, квашеная. Хлебово, щи, уха, каша, тюря, хлеб (кислый, на закваске), квас, кисель, а дальше пошли огурцы, капуста, редька и прочее. Наша русская неприхотливость выражена в поговорке: *“Ельник, березник – чем не дрова? Хрен да капуста – чем не еда?”*. А еще в русской жизни издревле существуют длительные посты, когда молочная и мясная пища вообще запрещена. В лишениях поста русские утешают себя присловьем: *“С поста не мрут, а с обжорства мрут”*. И посты, и исконный аскетизм русского пропитания сформировали наш характер – привычку терпеть, ради Бога и иных высших целей переносить лишения, даже такие тягостные, как голод: *“С голоду брюхо не лопнет, только сморщится”*. Многовековое умение переносить голод, посты, легкость русской пищи и привычка обходиться в еде одним только хлебом, – разве это не причина того, что русские вытерпели в 1941–1942 годах блокаду Ленинграда, выстояли при карточной системе в послевоенные голодные годы, стойко выживали в недороды и засухи. И при этом трудились на износ.

На первый взгляд, русская пища действительно не тяжелая, но на диво другим народам, ею насыщается земледелец при тяжелейших не в пример ко-

чевникам физических нагрузках. Но, очевидно, именно такая еда подходит русскому человеку, мы едим хлеб тысячелетиями и выживаем как раз благодаря ему. А потому по сей день: *“Не будет хлеба, не будет и обеда”*. И до сих пор наша праздничная еда – это не столько мясные и рыбные кушанья, а родные пироги – с капустой, с картошкой, с яйцами и луком, с мясом или рыбой. Без пирогов русский дом не русский, да и не дом вовсе. Так же, как и без блинов. Ведь недаром говорилось: *“Без блина не Маслена, без пирога не именинник”*.

Взглянем на блины во все глаза, как на солнце, образом которого они являются в русской традиции. Подобного кушанья нет ни у одного народа. Только славяне пекли блины, или, как говорят малорусы – и это исконное звучание слова, – *млины*, произошедшие от слова *молоть*. Круглые, золотистые, масляные, они утешали наши животы в языческие времена на праздниках встречи весны, называемых Масленицей, ими провожали русичи усопших в последний путь, клали их в гроб на долгую дорогу. А в христианскую эпоху блинами мы поминаем предков в поминальный день Радоницы и с блинами просим у них прощения в Прощеное воскресенье. Образ солнца, отпечатанный в блинном круге, согревает русича изнутри и обращает его к памяти о былых поколениях.

Итак, главное в русской национальной трапезе – *хлеб*, и он же выражает нашу русскую суть в понятии – *хлеб-соль*, ритуальном выносе угощения хозяевами дома на свадьбе, на новоселье, при приеме гостей, при встрече невесты и новорожденного младенца.

И если хлеб – это ритуальный символ достатка и благополучия, то соль – знаменье оберега, сохранения дома от нашествия злых сил, будь то колдуны на свадьбе, завистники на новоселье, чужие, неведомые люди, которых русский обычай гостеприимства обязывает впускать в дом, или люди еще не вполне родные для семьи – будущая невестка или будущий зять.

Потому и считалось, что *на соль да на хлеб супостата нет*. Заметим и такую нашу древнюю привычку: накрывая стол к обеду или ужину, мы в первую очередь ставим на столешницу солонку, подсознательно помня старинное поверье – не будет соли на столе, не будет обилия в доме. Оттого и старинная примета: соль рассыпать – к беде. Мы также подспудно верим, что нечистая сила не любит соли. Древний обычай посыпать колдуну могилу солью, чтобы дух его не возвращался в село, давно позабыт, но еще живо поверье, что если сказать вслед человеку, заподозренному в сглазе или порче, заветные слова: *“Соль в глаза!”*, то колдовские чары рассыплются в прах. И весьма употребительно в русском языке выражение *насолить кому-нибудь*, то есть досадить супостату, укротить тем самым нечистую силу. А еще существует древний обычай: в начале или в конце обеда, чтобы избежать напасти, съедают кусочек хлеба с солью.

Так что русская хлеб-соль – это не один лишь символ нашего гостеприимства, которым так злоупотребляют ныне чужие народы и полагают, что, войдя в русский дом, они благодаря нашему хлебосольству примутся в нем хозяйничать, ибо знают, что *русская хлеб-соль не бранится*. Русская хлеб-соль – это не столько символ гостеприимства, сколько оберег от чужих и недругов, *русская хлеб-соль платежом красна*, и потому, не дождавшись ответной благодарности за свой хлеб, русич непременно вспомнит о соли, как символе защиты дома, а значит, обязательно, в согласии с русской картиной мира, так насолит супостату, что тот не взвидит белого света.

У соседних, исконно кочевых народов другие обычаи трапезы, гостеприимства, да и застолье у них иное. Связано это с древнейшим различием наших культур. У русских издревле *культура производящая* – земледельческая, способность к каждодневному тяжелому труду отличает представителей такой культуры. А у горцев и степняков – кочевников – *культура присваивающая* – скотоводческая, она сродни древнейшему собирательству и не требует сверхусилий в течение года. Потому у горцев и степняков традиционная еда – их скот, за которым кочевник следует по выпасам, и который сам по себе и растет, и множится, и дает пищу, одежду, кров.

Присваивающая культура кочевья сформировала иной рацион кочевника по сравнению с земледельцем, его еда мясная и молочная, твердая, острая, пресная. Летом у кочевых народов преобладает молочная пища. Они не знают постов – долгого воздержания от мяса и молока, не обходятся, как мы,

легкими похлебками и тюрями, а едят запяченное мясо, жуют лепешки, пьют жирные хаши, угощаются густым харчо. Пища эта тяжелая для желудка и очень насыщенная жиром, хотя у кочевника-скотовода нет такого изнурительного труда, как у русского земледельца. Но, очевидно, именно она подходит для кочевника, подкрепляет его физические силы, насколько предназначено ему природой.

Что же есть традиционное питание в обиходе каждого народа? Конечно, это главная часть национального быта, согревающая душу родным очагом. А еще это одна из основ национального самосознания, позволяющая чувствовать свою связь с предками. Недаром именно национальная пища является жертвоприношением, которым воздает человек благодарность Богу за его благоволение к семье и роду. И мы, русские хлебопашцы, всегда приносили сначала языческим богам, а потом Богу Истинному Христианскому в пресуществленных дарах самое дорогое, что у нас есть – хлеб, а наши соседи мусульмане, исконные кочевники, резали на исламских религиозных праздниках свое лучшее достояние – скот.

Производящая и присваивающая культуры столкнулись сегодня в споре за первенство в России. И пока при потворстве властей побеждают и верховенствуют те, кто искони привык присваивать себе все, что встречалось на пути его кочевого народа. Присваивающая культура более древняя, более жесткая, она не терпит препятствий и стремится их преодолевать налетом, завоеванием. Но, не имея в основе производительного, такие народы могут процветать лишь рядом с земледельцами, – а таковым был русский народ, являвшийся на протяжении веков вольным и подневольным кормильцем своих соседей. Вот о чем следует задуматься всем, кто мечтает заместить русское население пришлыми кочевыми этносами на просторах России. В лучшие времена русский творчески талантливый и трудолюбивый народ всегда был готов делиться заработанным и произведенным с младшими братьями, населявшими Империю, понимая свое превосходство в целях и смысле жизни. Ограбленные сегодня этими самыми неблагодарными “братьями”, лишённые творчества и созидания, русские перестают трудиться на благо всех народов страны, и это вскоре больно ударит не только по нашему народу, но и по его гостям и соседям. Вечен закон нашей жизни – “русская хлеб-соль платёжом красна”. И горе тому, кто его забывает.

РУССКОЕ ТЕЛО И РУССКОЕ ДЕЛО

Казалось бы, какое отношение имеет русский физический тип к тем родам деятельности, которые предпочитает русский народ, избирая себе в излюбленные дела земледелие, ремесла, строительство. Между тем, именно русский физический тип определяет наши устремления и предпочтения в труде, ибо, как установлено наукой, фундаментальные элементы культуры в своих истоках связаны с особенностями человеческой биологии.

Взглянем на среднестатистического русского человека обычного, не богатырского телосложения, ничем не выдающегося вида. Тело у типичных русских – крепко сбитое, ширококостное, угловатое, коренастое, кряжистое, даже в твердой своей походке человек словно врастает ногами в землю. Рост при этом у русича может быть разным. Поколения, испытавшие в детстве голодовки, пережившие военное детство или ужасы нынешнего геноцида, мельче тех, кто имел счастье родиться и вырасти в более благоприятные времена. Но телесная крепость и кряжистость, широта кости, плотность и дородство тела проявляются у русского мужчины с детства и оцениваются одобрительным приговором родовой: “Мужичок!”. Не является недостатком и приземистость, ибо здесь отмечена близость, связанность человека с землей-матушкой. Дородство ценится и в русских девушках, и женщинах, а потому нарочитая современная худоба и модная девичья истощенность интуитивно тревожат близких и заставляют их усиленно откармливать молодку, приводя ее в соответствие с русским идеалом красной девицы – стройной и статной “лебедушки”, будущей матери многочисленного семейства. Телесная крепость и кряжистость, прочность кости и плотность тела искони были русским идеалом, потому что именно они обеспечивали выживание русского народа в тяжелейших климатических условиях нашей Родины, где если голод

или недород охватил страну, то “пока толстый сохнет, худой сдохнет”. Такой телесный “состав” русского народа обусловил его необыкновенную выносливость, огромную физическую силу и терпеливость в труде. Русские в буквальном смысле являются костяком, становым хребтом России, на своем горбу вывозя страну из злключения истории. Впрячься ли в соху и борону вместо лошади, стоять ли за станком по две-три смены кряду, выживать и воевать в тридцатиградусные морозы и в сорокаградусную жару, – все это русские свойства крайнего терпения и стойкости, дарованные нам во многом благодаря нашему физическому типу. И пусть бывает, что “не ладно скроен, да крепко шит”, русский крой силушки молодецкой сохраняет нас и нашу Державу в целостности до сих пор. А сформировал нас такими тысячелетний земледельческий образ жизни, где “что посеешь, то и пожнешь”. Психология вечного народа-труженика родила множество русских трудовых поговорок: “*Бобы не грибы, не посеяв, не взойдут*”, “*Масло само не родится*”, “*Добывай всяк своим горбом*”.

Национальную особость имеют и русские лица. Слово **лицо** недаром производится от глагола *лить*, ведь каждый человек неизбежно – вылитый отец или мать, он не только сам отвечает за свое лицо, но и родители его несут за него ответ. “*Свинья не родит бобра, а сова не высидит орла*”.

Национальный идеал русской телесной красоты – кровь с молоком, это значит кровная, наследственная крепость шлифуется с юности сытным и здоровым питанием. Мужскую красоту русские песни, хранящие национальный идеал, описывают так: плеча могучие, широкие, богатырские, головушка буйная, удалая, молодецкая, телом не велик да широк, словом, красен человек статью. Само слово **стать** – крепость и стройность одновременно. Чтобы добиться стати, в русских семьях новорожденного до года пеленали в тугие пеленки, выпрямляли ручки и ножки, ровняли спинку, обматывая их двухметровым широким поясом поверх одеял.

Стать присуща и добрым молодцам, и красным девицам. Для русской женской красоты в песнях веками создавался словесный идеал: руса коса до шелкова пояса, телом круга, бела, как мытая репка, грудь лебедина, походка павлина, сама собой мельница, личиком беленька.

Можно долго рассуждать о многочисленности русских типов и разнообразии русских лиц, но если спросить любого из нас – что есть русская красота, то каждый в одних и тех же словах опишет русые волосы, белую кожу, синие глаза, точеное лицо, высокий лоб. Никого из русских этому идеалу не учили, нигде русскую красоту не преподают, а только знаем мы о ней, внутренним чутьем угадываем, родовой памятью помним о прекрасных русских ликах.

Сам язык нас учит тому, что лицо должно быть близко к святому лику, не случайно и слова эти одного корня: верх телесного совершенства – когда лицо подобно лику, выражающему духовную красоту человека. Отклонение от идеала русской красоты на Руси едко высмеивалось, ибо за такими ухмылками природы виделась русским духовная скудость рода и нравственная ущербность семьи несчастного уродца. Вот и говорили тогда безжалостно: “*Ни кожи, ни рожи, ни виденья*”, “*Нос крючком, борода клочком*”, “*Гороховое чучело, воронье пугало, сморчок сморчком*”.

Не глянулась русскому человеку и худоба. Не зря слово **худой** происходит от понятия *худо*. Телесной худобы русские искони боялись, ибо она была знаком болезни и слабости, то есть вырождения. Худобой корили: *худ, как треска, как жердь, кости да кожа, глиста глистой*. И еще национальной заповедью слышал русский человек с детства: “*Избави нас, Боже, от лыса, коса, рыжа и кривоноса*”. Не случайно возник оберег, призывающий остерегаться и сторониться своих одноплеменников с врожденными уродствами. Кривонос – человек с асимметрией в лице, как ныне установлено психиатрами, имеет в себе зародыши душевных болезней. Косоглазие – явная черта вырождения. Врожденную скудость волос на голове народная мудрость полагает признаком злобности характера, и генетики лысую от рождения голову считают чертой дегенерации. А вот почему сторонились рыжих? Это разъясняет другая русская поговорка, заставляющая распознавать в облике своего с виду человека признаки чуженина и быть осторожным с такими людьми: “*С чёрным в лес не ходи, рыжему пальца в рот не клади, с курчавым не вяжись*”.

Удручает, что народный идеал красоты, как и народные предостережения-обереги от врожденного уродства померкли в нашем сознании, их стара-

тельно затушевывают, замещают иными, национально чуждыми идеалами красоты, где “нос крючком” или “нос — через Волгу мост” уже не признак уродства, где “руки граблями, ноги ухватом” не хуже русской стройности, где “кости да кожа” лучше русской статности. И русый цвет волос перестает манить родной рускостью.

Размывание народного идеала красоты происходит еще и за счет активной гибридизации русского населения России. Смешанные браки и прежде существовали в нашей стране, но они не были столь распространены, как сейчас. Особенностью нашего времени является то, что русские женщины стали выходить замуж за инородцев, видя в них силу и волю, напор и нахрапистость, способствующие в сегодняшних условиях жизни бытовому достатку и семейному благополучию, русские мужчины на подобное способны меньше. Потомство таких браков чаще всего приобретает черты кочевника-отца и завоевательный, нахрапистый дух древнего скотовода. Русские матери таких семейств не узнают в своих сыновьях и дочерях собственную кровь, и родовая русская преемственность рвется. Но есть момент обнадеживающий — в смешанных браках неизбежно постепенное обрусение их потомков, причастность к русским идеалам, ибо подобные семьи благодаря матерям, передающим свой родной язык детям, поголовно русскоязычные, а язык вопреки крови воспитывает, вскармливая дух человека, в лоне которого он растет. А вот когда русский женится на чужанке, его потомок будет воспитываться в лоне психологии матери, впитывая вместе с ее молоком нерусские принципы бытия. А возникают межплеменные браки прежде всего потому, что национальный идеал красоты размыт и подменен.

Чужие национальные идеалы красоты нам навязывают ныне практически насильно — через экранные образы положительных героев и журнальные картинки так называемых “звезд”, персонажей мужских и женских, равно чуждых славянским представлениям о совершенстве. Это идеалы наших ближних соседей и заморских этносов. А ведь народы, обитающие в России, на нас не похожи. У горцев тело легкое, тонкокостное, худощавое, более хрупкое, с легкой над землей походкой. Они и мельче ростом, если сопоставлять, к примеру, русских и кавказцев одного поколения. Зато горец от природы обладает недостающей нам ловкостью, увертливостью, быстрой реакцией на любую угрозу. Многотысячелетние кочевья сформировали их такими, и сегодня они живут архетипами кочевников, умеющих ловкостью, быстротой, напором, наскоком добыть желаемое. Русский искони земледелец, пуповиной привязанный к земле. Первобытная собирательность в его жизни — это всего лишь грибы, орехи да ягоды, зато творчество в быту хоть отбавляй: пахота, сев, жатва. Обиход земли требует великого мастерства, опыта, знаний и разума. Русич от рождения **творец и созидатель**, должный вглядываться вглубь явлений природы, и одновременно мыслитель, созерцающий вертикаль мироздания: небо, пространство между небом и землей, землю, текучие воды, чтобы угадать, размыслить погоду, понять тот урочный час, в который земля родит больше. Земля для него — кормилица и мать. Ее надо творчески, с умом обиходить, чтобы получить урожай, способный прокормить страну.

Кочевник, горец и азиат — это скотовод, человек, следующий за стадом, через пасущееся на земле стадо занимающийся собирательством плодов земли, и потому он ближе к первобытности. Творческие потребности его минимальны, зато инстинкты собирательства и захватничества сильны. Взгляд на мир горца и кочевника — взгляд сверху и вдаль, а не вглубь и вверх, как у земледельца. Потому человек этого уклада жизни — **собиратель и завоеватель**.

Когда мы говорим о свойственных разным народам видах деятельности, мы не можем не заметить этих особенностей. Земледелец — плохой торговец, ибо он всем насущным обеспечивает себя сам, но поскольку он творец и созидатель, то хороший воин, потому что должен защищать созданное своими руками, оборонять землю-кормилицу. Его воинственность имеет благородные черты: сохранить свое, заработанное потом и кровью, сберечь Родину-мать. Кочевник — хороший купец и отличный воин. Но его воинственность обращена вовне. Ибо родной очаг его переметный, пищу он не творит, а собирает по пути скитаний.

Такое различие в быту и повседневности ставит русского, земледельца по природе, в невыгодное в общем государстве положение по отношению к кочевнику, горцу и степняку. Потому что творчество и созидание требуют

огромных усилий и временных затрат, долгого обучения и талантов. А удача кочевника зависит от напора и ловкости. Ловкость пересиливает талант и долготерпение. Мы, русские, тактически проигрываем сегодня людям иного, нерусского национального склада. Но будет ли жизнеспособен организм государства, у которого истощен, изможден, дистрофичен становой хребет? Нет, погибнет такое государство, и погибнут вместе с ним народы, пытающиеся въехать в рай на русском горбу.

Сохранение этнического облика, национального физического типа, с которыми связаны наши понятия о красоте – одно из условий русского выживания. Отрицающие это люди изначально лукавят, ибо сами живут с собственными идеалами красоты в крови. А русский национальный тип красоты и физической крепости их раздражает и тревожит, так как напоминает о существовании русского народа, мешающего клепать “плавильный котел”, из которого рождается уродливая химера “российской социальной общности”.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ У РУССКОГО НАРОДА

Мир русского детства – строгие правила русского воспитания – начинается с обряда родин. Рождение ребенка – родины – всегда окутано тайной, оно скрыто даже от родни, дабы в этом таинственном действе природы не нарушить словом или помыслом пути пришествия человеческой души на свет Божий. Дитя после рождения тщательно оберегается от чужих глаз вплоть до сорокового дня жизни. Только на крестинах новорожденного показывают родове, причем до крестин, чтобы дитя не померло некрещеным, его “крестит” повитуха, сбрызгивая святой водой и произнося заветные “Во имя Отца и Сына, и Святого Духа”.

Первый вынос младенца на улицу мать в старину сопровождала красивым языческим заклинанием: “Солнцем освещусь, месяцем огорожусь, звездами осыплюсь и никаких посланных болезней не боюсь”. И после крестин все равно стереглись, не показывали дитя чужим, особенно боялись похвального слова. Неприязнь к похвалбе своими детьми известна всему русскому народу. Если мать стеснялась окоротить языки соседкам, не в меру восхищавшимся дитячком, то вступалась бабушка: “Нечего смотреть, нечего хвалить, дитё как дитё, не лучше, и не хуже, чем у других”. Опыт жизни знали бабушки, что ребенок после такой чрезмерной похвалы будет кричать, словно пробралась к нему по натопанному славословию следу зависть, и корежит, мучит чадушко, и сводит с ума мать, не знающую, как избавиться от сглаза.

Всё младенчество ребенка для сбережения его от напастей обставляли огромным количеством ритуальных запретов. До года нельзя было взрослым членам семьи перешагивать через него, а то он перестанет расти. Боязнь, что расти перестанет, объясняется и запрет вздымать, подбрасывать ребенка выше головы. Нельзя было давать ребенку смотреться в зеркало, не то он может испугаться. Запрещалось целовать младенца в губы, ибо долго не начнет говорить. Большой осторожности требовала даже ласка дитятки.

Грудное вскармливание на Руси имело особые установки. Кормили крестьянки грудь своих детей до полутора и даже до двух лет, при этом грудь давали в ту же минуту, как дитя попросит. Не позволяли ни голодать, ни орать без prodыху. Воспитания по доктору Споку русский народ, слава Богу, не знал.

Поучительна народная традиция в отношении телесных наказаний детей. В течение первого года жизни строго запрещалось наказывать младенца. Обычай страшал не в меру ретивых и жестоких родителей угрозами, что ребенок перестанет развиваться. Подзатыльники превратят его в тупицу, по лицу зацепишь – зубной болью станет маяться, по ногам нельзя хлестать – обезножит, по рукам бить – лентяя растить. Но и после года телесные наказания подчиняются ряду правил. При строгой регламентации телесных наказаний порка все же считалась неотъемлемой частью русского воспитания. Поговорки предписывали родителям: “Детину сердцем люби, а руками гнети”, “Тот сын ленив, кого батька не бил”.

Русская семья бережливо и любя, с заглядом наперед пеклась о своём дитячке. Забота о здоровье и телесной крепости соединялась со строгостью к поведению, так как ребенок шаловлив и непослушен от природы, и разумное наказание необходимо. Наказание хранило его от опасностей, от излиш-

него риска строгим предостережением: “Смотри, слушайся, а то тятенька высечет, от матушки влетит”.

Заслуженное наказание ожидаемо детьми, вспомните свое детство, даже родительская порка расценивается как справедливая и должная. Ведь если ребенок не получает наказания за свой проступок, он перестает понимать, что хорошо, а что плохо, что можно, а чего нельзя.

Сказочный мир детства всегда служил делу воспитания и сбережения ребенка. До трех лет дети у матери, как говорится, из рук не выходят, следуют за ней по пятам или на руках. Работой их не загружают, но к труду они общаются через игры. Но уже к четырем годам дети выходят на улицу и заводят дружбу с соседскими ребятами. И здесь вступают в силу сказочные запреты, призванные уберечь несмышленишей от опасностей чужого грозного мира. Детские страшилки, которые удерживают малышей в послушании, известны всем: это и живность, наводящая ужас: коза, собака. Они в традиции народной считаются нечистыми, ими пугают, хотя эти животные вполне безобидны. Родители устраивают детей и сказочными чужаками. Это тоже отголоски давних предохранительных мер от народов, бывших для славян опасными и вредоносными. В воспитательном арсенале всегда наготове целый сонм нечистых духов и сказочных страшилищ. Тут и русалки, предстающие то в виде прекрасных девиц, то в облике безобразных старух, готовых защекотать до смерти.

Первый этап жизни русского человека заканчивается к шести-семи годам. Завершается младенчество, когда детей особенно берегли и не жили, не обременяя никаким задельем. И поговорки народные требовали: “До пяти лет пестуй дитя как яичко, до семи лет паси как овечку, тогда выйдет из него человек”. Переход в новую возрастную категорию обозначался сменой одежды. Во младенчестве мальчиков и девочек одевали одинаково – в рубашку, подпоясанную пояском-оберегом. И слова, обозначавшие младенцев, были среднего рода – **дитя** и **чадо**. Но с взрослением малыш становился из чада и дитяти **ребёнком**, так исконно звучало это слово. В шесть-семь лет ребёнка одевали в одежду, соответствующую его полу. Мальчикам отныне полагались штаны, девочкам – юбки. Если и дальше мальчонка носил рубашку без штанов, его высмеивали, называли девчонкой, девчуром. Детский страх, чтоб не обзывали мальчишку девчонкой, а девчонку мальчишкой, сознательно взращивался взрослыми в детях, которые должны сызмала примеривать на себе свою природную и социальную роль. Женский тип поведения позорен для мальчика, мужеподобность высмеивалась в девочке, и никакой толерантности к детям, тяготеющим своими повадками к противоположному полу, русская семья не терпела. Наоборот, лишь только в семье подмечали, что мальчик ведет себя по-девичьи, а девчонка по-мальчишечьи, жестокими насмешками изгоняли из ребенка подобные противоестественные ухватки.

Народная педагогика требовала очень раннего приучения ребенка к труду. Ему поручали пасти домашний скот и птицу. Младшенькие пасли на окраине деревни гусей, свиней и телят, а старшие отправлялись со стадом коров и овец в лес, в поле. Мальчики двенадцати-четырнадцати лет уже всерьез помогали взрослым в пахоте, молотье, им поручали выгонять коней в ночное, приучались с отрочества и к строительному делу, так как каждый хозяин на Руси должен был уметь поставить сруб. И именовали таких юных, с четырнадцати до восемнадцати лет, работников – **отроки**. К семнадцати-восемнадцати годам юноша становился полноправным тружеником в семье, в древности его называли **холоп**, слово это произошло от глагола **холить**, то есть взрастать, переходя во взрослое состояние. Отсюда и южнорусское название молодых, неженатых парней – **хлопцы**.

Иное трудовое воспитание получали девочки. Уже к шести-семи годам девочки помогали носить воду и дрова, что считалось сугубо женским делом, умели мыть посуду и полы, ухаживать за птицей, полоть огород. Как и мальчики, девочки пасли мелкую скотинку. Выучась ездить верхом, они в семь-восемь лет управляли лошадей при полевых работах. А в десять лет дочери уже доили коров, нянчили младших. Девочек с раннего возраста приучали прясть, делали им крохотную прялку, учили рукоделию чуть не с четырех лет. А к десяти-тринадцати годам маленькие крестьянки уже вовсю белили холсты, обучались кройке и шитью, ибо всю одежду в крестьянской семье женщины на протяжении многих столетий изготавливали сами. К четырнадцати годам

отроковицы осваивали искусство вышивания, а в пятнадцать лет их сажали за ткацкий стан. К одному только не допускались девочки в родной семье – к выпечке хлеба и приготовлению пищи, это было исключительное право и обязанность большухи, хозяйки-матери. Так что готовить и печь хлебы девушка училась уже в чужой семье, выйдя замуж.

Труд издревле считался на Руси основой воспитания. Вырастить лентяя-лежебоку, неткаху-непряху считалось позором и тяжкой виной. Последствия этого несчастья терпеть приходилось не только самим родителям, но и всем, кто жил рядом. Общинникам-соседям, благополучие которых зависело от труда каждого пахаря, будущим домочадцам лодыря или ленивицы, ведь их нерасторопность оказывалась губельной для целой семьи. Хочешь не хочешь, жаль не жаль, а ребенка заставляли трудиться. И эта трудовая традиция сохраняется у нас как мощный рычаг семейного русского воспитания. Так было нерушимо тысячи лет.

Что за дикие перемены мы видим ныне в русском семейном воспитании! Полное равнодушие общества и власти к рождению и выхаживанию детей в первые годы жизни. Поощряются аборты-детоубийства, дескать нечего нищету плодить. Нет никакой существенной поддержки многодетным семьям – живи, как хочешь, это твои проблемы. Нет ни малейшего общественного осуждения матерей и отцов, что бросают детей на произвол судьбы, тех, кто, потеряв родительский инстинкт, сдаёт малышей в детские дома. Зато общество разрушает юную душу тех детей, кого родители растят в соответствии с исконными русскими принципами воспитания. Им навязывается смешение мужского и женского типов поведения, из-за чего развиваются всевозможные противоестественные извращения, лишаящие ребенка в дальнейшем возможности иметь нормальную семью и детей. Малыша погружают в так называемое половое просвещение, а на самом деле развращают его сызмала, заставляя проявлять особую озабоченность к вопросам “секса”. Это убивает душу и целомудрие, а значит, в будущем такое дитя будет совершенно негодным для семейной жизни. Родителям запрещают заставлять сына или дочь трудиться, будто бы это вредно для ребенка. И ребенок вырастает бездельником и эгоистом, сидящим на шее у родителей.

Но пока мы еще можем самостоятельно растить своих детей, мы должны воспитывать их так, чтобы из каждого мальчика вырос труженик и воин, а из каждой девочки – мать, а главная задача нашего семейного воспитания – чтобы у них был русский дух и русское национальное самосознание. Это сегодня единственный шанс спасти будущее русского народа.